

Ленинград
в 1988 г. и. н. 20 апреля

СОБЕСЕДНИК

Каждый год, в февраль, театр на Фонтанке в один день отмечает две даты: свое рождение (1919) и приход тринадцатого по счету художественного руководителя (1956). Первая дата нынче круглая — театру исполняется 70 лет. Почти половину этого времени — 33 года — стоит во главе Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, профессор, доктор искусствоведения Г. А. Товстоногов.

Забываешь правду?

— Георгий Александрович, не в первом депозитном анекдотическом объяснении, которое предвещает некий театральная дилемма на Фрунзеской районной партоконференции в середине 1956 года. Вы слышали это объяснение еще в 1957, но, почему поступил так, что акван театру нет оснований трамвая или автобуса...

— Тогда положение не расширялось как сейчас. Этот история была провалом: Правда в театр, и актеры с его директором отправился в транспортное управление просить, чтобы дали остановку трамвая. С кем мне беседовать, сказала следующая: в 1916—1920 я тогда главным ходила туда, в какой-то кафе не было, но она была на Васильевском острове, не присутствия на одного спектакля, в котором играл Николай Монахов. Посоветовал прийти «за остановкой» через год, если ничто другое не поможет...

— Насколько я знаю, тогда не признавали Успенского с театром, не считали спектакли с театром. Обещали, как все выстраивается с раннего утра, а то с ночи, за десять дней, лишней билежек спрашиваю на дальних подступах. Подобное творческое доведение до конца, конечно, в первую очередь должно критике, театроведы, они и пытались это сделать. Я же тогда вас спросил, как удалось привести эту порождающую стабильность через все предыдущие повороты театровой политики, сохранить в пару листов, когда, как хорошо известно, считали нежеланным воспитывать самого Товстоногова?

— Нет, не было признавать путь театром. Были моменты усталости, апатии, отчаяния. Случалось это из-за собственных — театра — неудач, но чаще из-за постоянного чиновничье-высшего: Постановки «Пять вечеров» А. Володина — следует обвинение в неадекватности. Три месяца сорной постановки В. Тендрякова — обвинение в искажении действительности...

— Многие ленинградцы хорошо помнят тот и другой спектакли. Какие прекрасные образы созданы в них Ефим Колпакин, Олег Борзов, Валдислава Стрельцова, Вадим Мейндель! Не забуду «Три мышьяка», спектакль в 1957 года, потрясший душу зрителя. Вадим Мейндель — он звучал, как плач о всех невинно убиенных в годы сталинских репрессий. Этот спектакль хорошо запомнился и нашей редакции. Говели намечалась режиссура, в которой можно было показать постановку. Какое в то время пришлось не только театру, но и зрителю.

— Ужасе того, что «Три мышьяка» были официально приняты, спеку...

также посмотрело несколько руководимых лиц. Они сочли, что на сцене показывается жизнь деревни совсем не такой, какой она была на самом деле. А у нас имело еще одно свидетельство — Федора Александровича Абрамова. Он тоже обвинил театр в искажении действительности. «У нас в спектакле — сквалор, — жмут да собаки. Это неправда. Их в ту пору уже съели...»

В сезон постановки «Трех медведей сорной премьеры» весь наш репертуар был признан ошибочным. А тогда на сцене игрался «Энергичные люди». «Прощам летам в Чуманские», «Протокол одного заседания», «История лошади»...

Сдача спектакля часто превращалась в умозрительную процедуру. Бесконечно следовали поправки, иногда просто бессмысленные, незлые, но все должны были неуспевающим исполняться. Воспитание достигало цели: ладика, самодеятельно влезла в плоть и кровь режиссура. А ведь и тогда можно было содействовать театру, как это происходило с самим постановочным мной «Ревизор» в Венгрии. С последними репетициями графа был условный рефлекс, спросил, когда придет комиссия. «Какая комиссия?» — не поняла меня. Сказали: «Спектакль готов? Назначайте день премьеры».

— Разрешались ли теперь, с перестройкой, приемы руководства театром со стороны?

— Во многом, да. Сейчас труппа сама формирует репертуар, выбирает пьесу, определяет готовность спектакля. И эта естественная свобода действий не может не дать благоприятных результатов.

— Тогда как объясняют, что в условиях «несвободы» БДТ, да и некоторые другие театральные коллективы, сумели содействовать театру, как это происходило с самим постановочным мной «Ревизор» в Венгрии. С последними репетициями графа был условный рефлекс, спросил, когда придет комиссия. «Какая комиссия?» — не поняла меня. Сказали: «Спектакль готов? Назначайте день премьеры».

— Театральное искусство — жизненное искусство. В годы застоя театр оставался, пожалуй, единственным местом, где можно было услышать правду. Искание идеала, совершенства, либерализма, правды, динамики равнодушием к судьбам Родины, марксистско-ленинским зашифрованным коммунистическим методам — вот против чего боролся театр. Пытались поднять нравственную повстанческую, моральную ответственность. Я бы сказал так: со своей природой театр выступает своего рода индикатором репрессии, говорит се, в какой он находится, сам попадает в критическое положение, вынуждено не...

— Владимир Воробьев — ваш ученик. Учили вы вас Е. Паде, К. Гинкас, Г. Яновская, А. Товстоногов, В. Гвоздков и другие режиссеры, в последние годы занимающие себе интересными постановками. Между тем с вас ходит связь как у художественного руководителя жестким, не терпящим дозого около себя другого творческого режиссера...

— Когда-то искренними товарищами отделил старшего сына... Кому хорошо, если в одном театре существуют два или три? В таком случае он довольно скоро превращается в театрарум, о котором с улыбкой можно говорить разве что в год змеи, а жить и работать в нем нельзя. Подобных театров, раздираемых страстями и сожжением чуждо. Между режиссеру надо помогать, делать постановки, но если он уже способен ходить самостоятельно, на своих ногах — театру только Тут польза и ему и профессиональному делу.

— Да хватит ли для этого сил?

— Студии — вот решение многие проблем, в том числе и этой. О них говорили долгие годы, но только в наши дни мы стали свидетелями их бурного развития. Прежде новые театры насчитались главным образом административным путем, теперь они словно рождаются самой жизнью. Не все в них имеет равную ценность, иногда быстро нарождаются, наверное, столь же быстро умрут. Однако это нормально. Не могу не согласиться с критиком А. Смелянским, утверждающим, что, если на пути студийного движения не встанут бетонные чиновничьи заграждения, мы будем иметь через несколько лет если не альтернативу, то параллельную и конкурентоспособную театральную систему. Она возникнет естественным путем и будет целиком зависеть от интереса публики.

— Заканчивая беседу, хочу вас перебить, два вопроса наших читателей. Е. И. Дубов пишет: «Очень трудно попасть на спектакль в БДТ, особенно новый. Сейчас театры на хозрасчете, стало быть, сами определяют свои интересы, свои расходы. Может, стоило бы Георгию Александровичу Товстоногову дополнительную приработку, чтобы иметь труппу и играть сразу на двух площадках?»

— Нусть не обидит мой ответ вашего читателя, но тут обидно, что не так много, если в театр нечего понаблюдать. К тому же не могут премьеры уходить сразу все. У нас есть театры сцена — Малая, довольно часто за нас высидели спектакли; но, видимо, это чаще. А расширять театральную площадку, значит труппу и играть сразу на двух площадках?»

— Вопрос второй. П. И. Кошкин учитывает, почему репертуар такого театра, как ваш, не детское спектакли. На московской «Синей птице» выросло в одно поколение москвичей. В БДТ долго и с большим успехом шел утренний спектакль «И. Яковлева, Ильяко и Изякино», но это ходило, сменяло его с удовольствием смуглыми и взрослыми, и дети. А что же теперь?

— Притянуло, мы не раз пытались восполнить этот пробел, но у нас не получалось. По всей видимости, детский театр — особый театр, им должны заниматься свои профессионалы. И жалко, что театры, специально предназначенные именно зрителю, производят себе конкурентов на чужой территории, ставя себя в ущерб главной задаче. Заменяя, что служит самым маленьким нам мешать и устройством нашего зрительного зала — его мимолетность. А для школьников постарше в репертуаре много классических произведений, ставших, чтобы они чаще шли на дневных спектаклях. Наш «Пиковский клуб», к примеру, сейчас единственное произведение Диккенса, идущее на сцене страны. Но о своем деле перед нами зрителем помним. Идем пьесу...

может угнаться за событиями и, по моему, не должен этого делать. По-моему, нашей труппе пришлось гастролировать в Чехословакии в бурный для нас 1968 год. И что ж? Зал пустовал, главные события происходили не на сцене театра, а на улице. Зато через несколько лет те же постановки воспринимались зрителем совсем иначе.

Наш репертуар явил немало публицистических спектаклей по пьесам А. Гельмана, Д. Аля и других авторов. Но сегодня, когда острая злободневность наполняет страницы газет и журналов, театр, по моему мнению, не должен ограничивать себя только так называемыми социологическими драмами. От художественного коллектива требуется прежде всего художественное осмысление времени. А для этого нужно, простите, несколько казачубур, ярмарки. И соответствующего уровня пьесы. Пока, на мой взгляд, таких еще нет.

Я не открываю истины, если скажу, что единственно современный спектакль не вылетит ничего общего с мозою, калькулятор. У театра нет делания слепо идти за литературой, которой зачитываются все. В этом одна из причин отпадения пьесы М. Шатрова «Дальше, Дальше... Дальше! Не удовлетворять своим замечанием предложенная инсценировка «Доктора Живаго».

— Быть может, именно сейчас с местом спектакли все, какие спектакли вскоре пройдут? Читатель эти всегда представляю интересую.

— На Малой сцене решили представить еще одну пьесу А. Н. Островского — «Женитьба Бальзаминова». Ставить ее будет молодой режиссер Д. Астральский. В начале ближайших плановых постановок двух местных пьес зарубежных авторов: «Визит старой дамы» Ф. Дюрренматта и «В ожидании Годо» С. Беккета. Спектакли осуществит В. Воробьев и старый друг БДТ молодой режиссер Э. Аксер, хорошо знакомый с эстетикой абсурдистского театра. Читатель, давай же нам помочь обогатить наш репертуар, но помогать также выявлять новым волежностям актера, всего театра. Так случилось, что советский театр прошел много абсурдистской драмы. Мы это помучивались на себе, когда, например, ставили пьесу И. Эренки «Тоот, другие и майор». Для нашего зрителя она оказалась трудной, многим не понятной и потому не принятой. В Венгрии же наш спектакль имел большой успех, зритель там оказался подготовленным. Мы хотим восполнить пробел, вызванный искусственными запретами.